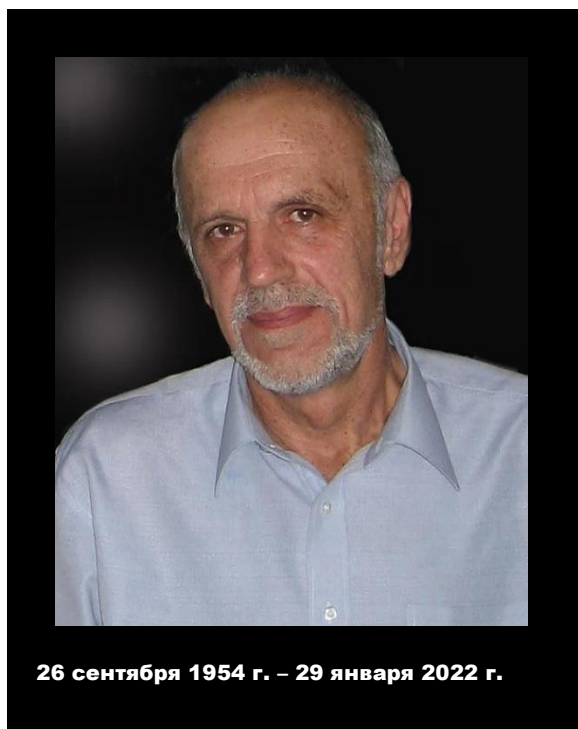

Памяти Евгения Мисочко

Осенью 1976 года у нас появился очередной студент – гарный хлопец с копной иссиня-черных волос, в вислых, как тогда говорили, запорожских усах и с более заметным, чем у нас ростовчан южнорусским говором. Это был один из трёх братьев Мисочко, закончивших физфак ростовского универа, и приехавший на дипломную практику в лабораторию лазерной электрохимии под руководством

Виктора Адольфовича Бендерского. Женя родился в далеком теперь Казахстане в семье спецпереселенцев. В середине 50-х его семья перебралась в славный город Азов, который и стал для него малой родиной. Компанейский, в меру прижимистый, в меру азартный и хорошо играющий в футбол парень без проблем вписался в наш непростой коллектив. Он был направлен в низкотемпературную группу Володи Брикенштейна и Паши Филиппова. Время показало, что команда оказалась совсем не хилой: все трое стали докторами наук. Женя пришел в период своеобразной смены вех – в связи с безвременной кончиной профессора В.Л. Броуде заканчивался период плодотворного сотрудничества нашей лаборатории с ИФТТ по модной тогда экситонной проблематике, и что делать дальше было не очень ясно. По-видимому, эта ситуация и привела к небольшому индукционному периоду в Жениных публикациях. Финальной точкой совместных исследований стала вышедшая в 1980 году

статья в посвященном памяти В.Л. Броуде в номере Mol. Crystals and Liq. Crystals, среди авторов которой был и Е.Я. Мисочко. На тот момент в ходе работ по изучению оптических свойств экситонов в чистых и легированных кристаллах антрацена с участием Жени была создана уникальная установка по спектроскопическому исследованию объектов при азотных и гелиевых температурах. И тут как раз с лёгкой руки Димы Кирюхина, сотрудника лаборатории И.М. Баркалова, находившейся по соседству и совсем не чужой для Виктора Адольфовича, была предложена тема по изучению фотолиза хлора в стеклообразной матрице хлористого бутила. Дима показал ребятам, как надо напылять в условиях вакуума оптически однородные пленки, и дело пошло. Женя с Пашей тут же собрали свою установку для получения плёнок, а так как остальные экспериментальные подходы были уже отработаны, на новом объекте были быстро получены интересные результаты, опубликованные в коллективной работе двух лабораторий в ДАНе¹ за 1980 г. Однако медовый месяц двух подразделений продолжался недолго: как и можно было ожидать, два медведя в одной берлоге или в данном случае на одной поляне... в общем это была первая и последняя их совместная публикация. Эта коллизия привела к охлаждению отношений и на уровне младшего научного персонала, однако молодёжь скоро поняла, что им-то делить почти нечего, и перехода на личную неприязнь, к счастью, не произошло, хотя кое-кто до сих пор помнит о невозвращенных дьюарах. Где-то в конце 79-го или в начале 80-го гг. Жене и Паше улыбнулась удача, был обнаружен неожиданный яркий и весьма нетривиальный эффект – тепловой взрыв при охлаждении плёнки фотолизованной смеси метилциклогексана с хлором. Кварцевые криостаты разносило в дребезги, но в то время оптическая мастерская в Химфизике работала как положено, разбитая аппаратура быстро восстанавливалась, и эксперименты продолжались. В авральном порядке была послана статья в письма ЖЭТФ

¹ Доклады Академии Наук

и менее чем через два месяца была опубликована всё в том же 80 году. Судя по всему, именно эта работа определила вектор всей дальнейшей жизни в науке Евгения. Было понятно, что курсов, которые читали нам, радиофизикам, явно недостаточно для исследований в области свойств конденсированных сред при низких температурах, и Женя стал упорно штудировать учебники по теории групп, структурной химии, физике металлов и т. д., параллельно повышая степень владения английским языком, который он ни в школе, ни на физфаке не изучал, и вскоре преуспел во всех этих дисциплинах. Вместе с коллегами он публиковал по две – три работы в год, и в 1985 году достаточно быстро по понятиям нашей лаборатории защитил кандидатскую диссертацию.

В конце 80-х большая часть нашей лаборатории попрощалась с ФИНЭПХФ² и переселилась в тогда полуразрушенный корпус 1/11. Возвращение блудных сынов произошло гладко во многом благодаря заботе и вниманию к нашим проблемам директора ИПХФ С.М. Батурина и заведующего отделом Г.Б. Манелиса. Хотя наша тематика была далека от проблем горения и взрыва, мы не чувствовали себя чужими в новом коллективе, благодаря доброму отношению к себе сотрудников отдела и прежде всего В.Г. Штейнберга. В течение года корпус был отстроен, а лаборатория значительно усилилась в приборном плане, и Женя получил в своё распоряжение более-менее современный на то время ЭПР «Радиопан». Тяжеленный магнит прибора был своими силами вручную водружен на постамент для гелиевого криостата, вскоре прибор был запущен, и работа закипела. Пройдя многочисленные модернизации, «Радиопан» верой и правдой служил делу низкотемпературной спектроскопии еще четверть века.

Неформальная группа Мисочко начала прирастать сильными сотрудниками и аспирантами, среди которых особенно выделялись энтузиазмом и квалификацией выпускники ФИЗТЕХа, братья Альберт и

² Филиале Института Энергетических проблем Химической Физики

Илья Гольдшлегеры, и волею счастливого случая появившийся в

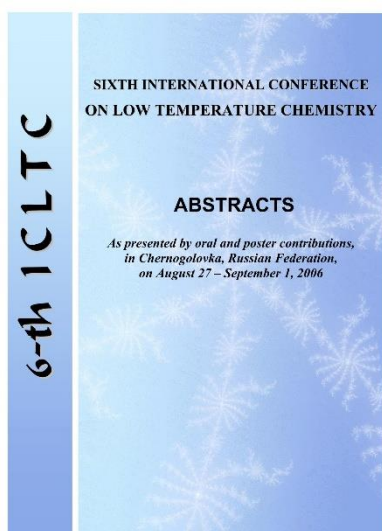

Евгений Мисочко, С.А. Wight, Илья Гольдшлегер, Александр Акимов

лаборатории в 1994 г Саша Акимов. Последний стал правой рукой Жени и к настоящему времени дорос до специалиста мирового уровня в области самой передовой низкотемпературной ЭПР-спектроскопии.

После переезда Женя стал успешно выигрывать отечественные и международные гранты, начал активно выезжать за границу, в том числе поработал вместе с коллегами в Америке у профессора С.А. Wight, в соавторстве с которым были опубликованы более 15 работ. В 1997 г он стал официальным руководителем группы криохимии. К концу 90-х Женя уже создал себе имя в международном комьюнити по матричной изоляции и сделался неременным членом программных и оргкомитетов соответствующих конференций, в 2003 г. защитил докторскую диссертацию, а 2008 г. был назначен заведующим лаборатории низкотемпературной спектроскопии, в последствии преобразованной в лабораторию кинетической ЭПР и молекулярной спектроскопии. Как

завлаб Женя не был ни белым, ни пушистым, рулил порой жестковато, случалось наедине с сотрудником кричал так, что дрожали стекла в корпусе, однако любую критику со стороны в адрес даже самого непутевого коллеги воспринимал в штыки и на его защиту бросался как лев. При том при всем и это главное – его авторитет научного лидера среди коллег и сотрудников всегда был непререкаемым.

В 2006 году Женя организовал и с блеском провел международную конференцию по низким температурам в доме отдыха «Юность». Было много иностранцев, в том числе американцев, и все остались довольны как научным уровнем, так и всеми сопутствующими конференции бытовыми и экскурсионными аспектами. Как всегда, не обошлось и без ЧП, пропал один из американских профессоров, не явившихся на свой рейс, вследствие чего Женя был жестко предупрежден соответствующими органами о его полной ответственности за своевременное и благополучное убытие всех иностранцев. Была создана оперативная группа из сотрудников лаборатории, которая достаточно быстро отыскала загулявшего профессора в женском общежитии МГУ. Сейчас это вспоминается со смехом, как седовласого ловеласа отправляли на родину к жене и детям, но здоровья это происшествие организатору конференции не прибавило.

В начале 2000 г. параллельно с научным ростом сложилась личная жизнь Жени – он стал стильно одеваться, в меру употреблять хороший мужской парфюм и выглядеть ухоженным и счастливым мужчиной. Он с энтузиазмом принимал участие в строительстве оригинального по архитектуре дачного домика, фактически маленького уютного коттеджа, в охотку обхаживал прилегающий участок, где частенько славно проводили время коллеги из двух лабораторий. Природа неплохо одарила Женю, но

выделила ему слишком мало здоровья, к сбережению которого он относился крайне легкомысленно. Мы все помним, как ежегодные анализы он просил сдавать за него своих более здоровых коллег, которые ему в этой просьбе не отказывали, что конечно же их не красит. Лет десять назад на самом взлёте научной карьеры произошло обострение хронического заболевания, и Женя стал невыездным. Такой поворот в судьбе он встретил по-мужски, без соплей-воплей и сетований на несправедливую долю. Пока Женя мог, он активно играл в футбол, а когда уже не мог, он стал заядлым и разноплановым болельщиком, следившим и за футболом, и за гандболом, и за пляжным волейболом вкупе с фигурным катанием, налегая, однако, на просмотр и последующий публичный разбор в кругу друзей репортажей с соревнований женских команд. Кабинет Жени находился в нашем корпусе, и мы все вспоминаем почти ежедневные диалоги с дружескими подначками между ним и Володией Курмазом за общим лабораторным кофейным столом, которые по смеховосприятию слушателей ничем не уступали выступлениям записных хохмачей с главных телевизионных каналов. Иногда даже возникала нелепая мысль, что участниками диалога они готовились стать заранее.

Почти три года прошло после ухода Евгения Яковлевича. И вот теперь в наше каждодневно усложняющееся время мы пьем кофе, смотрим на фото Жени и понимаем, что его нам не хватает всё больше и больше.

А. Г. Кривенко